

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

А.С. Ципко

ЧТО ДАЛ РОССИИ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ОКТЯБРЬ? О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦЕНЕ «ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ»

Аннотация. На основе конкретных описаний и размышлений Троцкого в фундаментальном труде-исповеди «История русской революции» анализируются факторы, которые помогли большевикам прийти к власти. Ленинский план перехода к коммунистическому строительству в России находился в вопиющем противоречии с социальными ожиданиями и жизненными планами подавляющей части населения России 1917 г.

Ключевые слова: революция, большевизм, крестьянская Россия, диктатура пролетариата, утопизм, Троцкий.

Ципко Александр Сергеевич – доктор философских наук,
главный научный сотрудник Института экономики РАН.
E-mail: astsipko@yandex.ru

A.S. Tsipko. What Was the Bolshevik October for Russia? The Human Cost of the «Great October»

Abstract. Factors that helped the Bolsheviks to come to power are analyzed basing on Trotsky's specific descriptions and thoughts in his fundamental confession work «History of Russian revolution». Lenin's plan of transition to Communist construction in Russia was in flagrant contradiction with social expectations and life plans of the majority of population of Russia in 1917.

Keywords: revolution, Bolshevism, peasant Russia, the dictatorship of proletariat, utopianism, Trotsky.

Tsipko Aleksandr Sergeevich – Doctor of Philosophy,
chief research fellow of the Institute of Economics
of the Russian Academy of sciences.
E-mail: astsipko@yandex.ru

**Троцкий и Октябрь 1917 года:
Как это было?**

Мои размышления о цивилизационном наследстве 70-летней советской истории спровоцированы тысячестраничной «Историей русской революции» Льва Троцкого, изданной в Берлине в 1931–1932 гг. на русском языке. Кстати, до сих пор Лев Давидович, сыгравший громадную, если не главную роль в переходе власти к большевикам в октябре 1917 г., убитый Сталиным в 1940 г. в Мексике, у нас не реабилитирован, и его фундаментальное исследование предпосылок и логики перерастания Февраля в Октябрь у нас не переиздано целиком. Мы продолжаем и сегодня рассуждать об октябре 17-го года по Сталину, который еще в 1924 г. провозгласил задачей историков разрушение «легенды об особой роли Троцкого в октябрьском восстании» [16, с. 409]. В ноябре 1918 г. Сталин в юбилейной статье «Правды», впрочем, настаивал на прямо противоположном: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умело поставленной работой Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому» [16, с. 408].

Сегодня Троцкий со своей правдой об Октябре, его реальных истоках и предпосылках неудобен, ибо «История русской революции» не только камня на камне не оставляет от модной сегодня в России славянофильской трактовки Октября, но и от советской трактовки Октября как пролетарской социалистической революции трудящихся масс.

Мое внимание «История русской революции» привлекла прежде всего попыткой Льва Троцкого ввести описываемые им события в контекст философских споров о роли случайности в человеческой истории, о человеческой цене революционных преобразований. Спустя всего лишь 15 лет после того, что он справедливо называет «большевистским переворотом», он спрашивает себя и своего будущего читателя: а было ли все, что произошло в октябре 1917 г., неизбежным, какова роль в происходящих событиях субъективного человеческого фактора? Взяли бы власть большевики, если бы не поразительная воля, настойчивость Ленина, заставившего партию вопреки сопротивлению всего ее руководства, готовиться к вооруженному восстанию? Взяли бы власть большевики вообще, если бы вопрос о вооруженном восстании был отложен на неделю, на две?

Отвечая на эти вопросы, Троцкий практически слово в слово повторяет размышления из статьи Г.В. Плеханова «О роли личности в истории», в которой тот задолго до Октября писал, что марксизм связывал реализацию исто-

рических законов прежде всего с субъективным фактором, со способностью людей в своих действиях реализовать возможности исторического рывка.

Троцкий не хуже, чем Плеханов, доказывает, что на самом деле никакой фатальной неизбежности прихода к власти большевиков в России в октябре 1917 г. не было. В решающей мере все зависело от приезда Ленина в Россию.

Привожу его рассуждения о роли личности Ленина, ибо они много дают и для понимания смысла человеческой истории. «Остается спросить, и это немаловажный вопрос, как пошло бы развитие революции, если бы Ленин не доехал до России в апреле 1917 г.? ...До его приезда ни один из большевистских вождей не сумел поставить диагноз революции. Руководство Каменева – Сталина отбрасывалось ходом вещей вправо, к социал-патриотам: между Лениным и меньшевизмом революция не оставляла места для промежуточных позиций. Внутренняя борьба в большевистской партии была совершенно неизбежна... Можно ли, однако, сказать с уверенностью, что партия и без негошла бы свою дорогу? Мы бы не решились это утверждать ни в каком случае... Кризис, который неизбежно должно было вызвать оппортунистическое руководство, принял бы, без Ленина, исключительно острый и затяжной характер. Между тем условия войны и революции не оставляли партии большого срока для выполнения ее миссии. Совершенно не исключено, таким образом, что дезориентированная партия могла бы упустить революционную ситуацию на много лет. Роль личности выступает здесь перед нами в гигантских масштабах» [16, с. 366–367].

Анализируя борьбу в руководстве партии накануне Октября, Троцкий без колебаний говорит, что если бы большевики упустили «революционную ситуацию» решающих дней, последовавших после 10 октября, «если бы большевики не взяли власть в октябре-ноябре, по всей вероятности не взяли бы ее совсем... Полученную таким образом передышку буржуазия использовала бы для заключения сепаратного мира... и разгрома революционных организаций... Пролетарский переворот отодвинулся бы в неопределенную даль. Острое понимание этой перспективы внушало Ленину его тревожный клич: «Успех русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы» [16, с. 170–171].

Для нас сегодня, на мой взгляд, актуален и второй, тоже философский вопрос, который задает в заключение своей «Истории русской революции» Лев Троцкий. Оправдывают ли «последствия революции» «вызываемые ею жертвы», гибель людей? Понятно, что и при формулировке этого вопроса, и тем более при ответе на него Троцкий (как несомненный, наряду с Лениным, вождь Октября) не может не дать оптимистический ответ. При этом он, несомненно, занижает прежде всего человеческую цену своей и Ленина победы. К тому моменту, когда он задает вопрос о цене Октября, уже полным ходом идет, кстати активно поддерживаемый им, социалистический экспери-

мент, произошла насильственная коллективизация, приведшая к гибели сотен тысяч крестьян и прежде всего детей, выселенных за Урал, начался голод 1932–1933 гг., практика расстрелов заключенных по «белому списку» уже на всю мощь работала на Соловках. Я уже не говорю о том, что Троцкого принципиально не волновала утрата в результате Октября значительной, если не подавляющей, части образованной России. Октябрь смыл многие цивилизационные достижения дореволюционной России, крепкого крестьянина с его культурой производительного труда, огромные достижения добровольной кооперации, которая охватывала одну треть российского крестьянства, культуру ремесленного труда, в конце концов высокую культуру самостоятельной, свободной мысли образованной России.

Но Троцкий успокаивал себя. Ничего не поделаешь, писал он, хотите развития, тогда соглашайтесь на «неизбежный накладной расход революции, которая сама есть накладной расход исторического развития» [15, с. 52–53].

Но что больше всего меня поразило! Говоря о несомненном влиянии Октября на историю Европы уже первой трети XX в., Троцкий деликатно обходит вопрос о провокационной роли большевистских Советов в зарождении итальянского фашизма, а несколько позже – национал-социализма Гитлера, и это поразительно. В более чем тысячестраничном тексте своей истории Троцкий затрагивает самые разнообразные горячие сюжеты текущего момента начала 30-х годов. Но нигде ни слова ни о Муссолини, который уже десять лет у власти, ни о уже кричащей угрозе прихода Гитлера со своим национал-социализмом к власти. Уже в начале 30-х годов было очевидно, о чем писал, правда, позже Иван Ильин, что «фашизм возник как реакция на большевизм, как «концентрация государственно-охранительных сил направо» [5, с. 86].

Оправдание Троцким жертв Октября ничем не отличается от того, как оправдывал кровь революции в работе, вышедшей в 1937 г. Николай Бердяев. Когда «народы... ищут выход из невыносимых тягот в революции, – писал Лев Троцкий, – нет смысла прибегать к разговорам о ее человеческой цене. Процессы великих преобразований надо мерить адекватными им масштабами... Даже если бы, силой неблагоприятных обстоятельств и вражеских ударов, советский режим – допустим на минуту – оказался временно опрокинут, неизгладимая печать Октябрьского переворота все равно осталась бы на всем дальнейшем развитии человечества» [16, с. 376–377].

И поразительно, что политический противник Троцкого и Ленина, критик большевистского тоталитаризма и большевистского «палачества» Николай Бердяев практически в тех же словах, что и Троцкий, оправдывает историческое значение Октябрьского переворота. Настойчивость Троцкого в позитивной оценке Октября понятна. Речь идет здесь о его личной роли в этом процессе воздействия Октября на человеческую историю. На самом деле самые эгоистичные и самолюбивые представители российской интеллигенции как

раз и выбрали революционный марксизм, дело огня и крови. И то что Троцкий, как и Ленин, своим октябрьским переворотом и его несомненными последствиями оставил след в человеческой истории, не вызывает возражений. Другое дело, как он оценивал эти громадные последствия. Но что заставило Николая Бердяева при оценке Октября перешагнуть через христианское «Не убий!» и призывать, как и Троцкий, измерять революцию «другими масштабами». Но тем не менее цитирую Николая Бердяева. Его мнение и сегодня важно в споре о роли Октября в истории XX в. «Трудно понять тех христиан, которые считают революцию недопустимой ввиду ее насилия и крови, и вместе с тем считают вполне допустимой и нравственно оправданной войну. Война совершает еще больше насилий и проливает еще больше крови. Революция, совершающая насилие и проливающая кровь, есть грех, но и война есть грех, часто еще больший грех, чем революция... Но революция есть рок истории, неотвратимая судьба исторического существования. В революции происходит суд над злыми силами, творящими неправду... Революция ужасна и жутка, она уродлива и насильственна... Таково проклятие греховного мира... И на русской революции, быть может больше, чем на всякой другой, лежит отсвет Апокалипсиса. Смешны и жалки суждения о ней с точки зрения нормативной религии и морали» [1, с. 107]. И последнее, об историческом «отпечатке» Октября. Вот что говорит по этому поводу Николай Бердяев: «Поражение советской России было бы и поражением коммунизма, поражением мировой идеи, которую возвещает русский народ» [1, с. 108–109].

Разница между позитивной оценкой роли Октября Троцким и Бердяевым состоит только в том, что первым при оценке большевистского переворота движет прежде всего личное самолюбие, а Бердяевым – русский патриотизм, желание доказать себе, что русские тоже могут совершить нечто великое. И все-таки надо видеть существенную разницу между подходом Льва Троцкого и Николая Бердяева к проблеме цены Октября и советского эксперимента и нынешним подходом к этой проблеме. Что, кстати, не учитывают в современной, особенно посткризисной, России, в которой идеологическая инициатива принадлежит вождям и идеологам Изборского клуба. И в начале 1930-х годов, когда Троцкий работал над своей, на мой взгляд, эпохальной «Историей русской революции», и во второй половине 1930-х годов, когда Николай Бердяев писал свой основной труд о сути большевизма, сохранялась объединяющая и Троцкого, и Бердяева надежда, что миру капитализма, буржуазной цивилизации уже пришел конец, и что поэтому оправдано даже неосомненное зло, неизбежное и даже необходимое для окончательной очистки человечества от скверны капитализма. Не забывайте, Бердяев до конца жизни сохранял негативное отношение к капиталистической цивилизации. И Троцкий в своем рассказе об «искусстве восстания» (речь шла прежде всего

о природе пролетарской революции) настаивал на том, что ее «основная предпосылка состояла в том, что существующий общественный строй оказывается неспособен разрешить насущные задачи развития нации» [16, с. 191–192].

Троцкий на протяжении всей своей «Истории русской революции» демонстрирует веру в неизбежность европейской пролетарской революции, которая закроет последнюю страницу в истории капитализма, буржуазной цивилизации. С 1917 г. он «все... надежды свои возлагал на то, что наша революция развяжет европейскую революцию... Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капитализм всех стран задушит нашу революцию» [16, с. 367].

Бердяев, как и Троцкий, был убежден, что капиталистическая цивилизация себя изжила, о чем он много пишет в своем «Новом Средневековье», изданном, кстати, в Берлине еще в 1924 г., Николай Бердяев посвящает несколько страниц описанию гибели европейской так называемой «индивидуалистической цивилизации» вместе с капитализмом. «Эти оковы падают, – пишет он, – эти формы низвергаются. Человек выходит к общности. Наступает универсалистическая, коллективистская эпоха» [2, с. 233]. Николай Бердяев потому и поддерживал фашизм Муссолини, что видел в нем, наряду с коммунистической Россией, подтверждение общей закономерности перехода человечества к «коллективистской эпохе».

И конечно эта вера во всемирно-историческое значение Октября связана и у Льва Троцкого, и у Николая Бердяева с надеждой, что советская система, социалистический эксперимент не просто вытравит из русского человека и даже русского крестьянина индивидуализм, но родит принципиально нового человека с абсолютно новой целиком духовной мотивацией к труду, к жизни в целом. И надо сказать, что в этом вопросе переделки человека Лев Троцкий был более осторожен, более реалистичен, чем Николай Бердяев. Комментируя ленинский декрет о земле, Троцкий пишет, что в такой «исторически запоздалой» стране, как Россия, в «крестьянской стране, одной из самых отсталых стран Европы, социализм не может победить в ней тотчас: сам факт отмены частной собственности на землю навсегда не изменит сразу же частнособственническую природу крестьянства... И, говорит Троцкий, в этих условиях одна надежда на «новый режим», который сможет его, крестьянина, перевоспитать, «не сразу, а в течение многих лет, в течение поколений, при помощи новой техники и организации хозяйства» [15, с. 359].

Кстати, Ленин тоже понимал, что на самом деле русский крестьянин, отдавший власть большевизированным советам, хочет совсем другого. Ленин осознавал, что на самом деле «крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнильно его нормировать... периодически снова уравнивать». Но Ленин рассчитывал, что когда будет отменена частная собственность на землю,

когда будет «подорвано господство банков», которые помогали крестьянину покупать инвентарь, когда «господство капитала будет подорвано», то «при переходе политической власти к пролетариату» ему, крестьянину, уже не будет других возможностей, кроме как переходить к коллективному труду, т.е., говорил Ленин, все «остальное подсказано будет практикой» жизни [16, с. 358].

Но история СССР не пощадила этот своеобразный реализм «лидеров большевизма». Двух десятилетий жизни при господстве власти пролетариата не хватило, чтобы убедить крестьян бросить свое собственное хозяйство и идти в колхозы. Отсюда и сталинская насильственная коллективизация, приведшая к массовым антиправительственным выступлениям. Только в 1930 г. органы ОГПУ привлекли по делам об участии в антиправительственных выступлениях 179 620 человек, из которых 20 тыс. были расстреляны [6, с. 890].

Троцкий, как и Ленин, в первые годы после Октября потому и связывал все надежды на реальную победу социализма в России с немецкой революцией, что на самом деле не верил, что «вечно догоняющая Россия» сможет сама переделать на социалистический, коллективистский лад многомиллионную крестьянскую нищую Россию. Хотя при всем этом он считал, что при диктатуре пролетариата русский народ совершит рывок в культурном отношении и создаст нечто такое, что войдет в сокровищницу мировой культуры. Нельзя забывать, что Троцкий, как и Ленин, откровенно пренебрежительно относился к русской культуре XIX – начала XX в., называя ее «дворянской». Он считал, что «опрокинутая октябрьским переворотом дворянская культура представляла собою, в конце концов, лишь поверхностное подражание западным образцам. Оставаясь недоступным русскому народу, она не внесла ничего существенного в сокровищницу человечества» [16, с. 376]. И надо сказать, что подход Троцкого к проблеме возможности построить социализм в одной, к тому же отсталой в цивилизационном отношении стране, ничем не отличался от подхода к этой проблеме Ленина, Бухарина. По крайней мере, до 1924 г. руководство партии, включая Сталина, исходило из резолюции Ленина, одобренной на апрельской конференции 1917 г., которая гласила: «Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования» [16, с. 426]. Отсюда и все надежды и планы, связанные с «революционным движением на Западе. Защищая на VII съезде партии в марте 1918 г. подписание Брестского мира, Ленин говорил: «Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной» [10, с. 11].

Конечно, тогда никто из вождей Октября, вождей большевизма, не задумывался об осуществимости учения Карла Маркса о коммунизме, об осуществимости скачка из царства необходимости в царство свободы. Сомнение в истинности марксизма как подлинной науки никогда не посещало Троцкого, как и Ленина. Марксизм для них был символом веры. Троцкий умирает в 1940 г., сохраняя в своем сердце веру в неизбежность всемирной пролетарской революции. Как истинно верующий человек не сомневается в существовании Бога, так и революционер-марксист не мог, по определению, сомневаться в неизбежности царства коммунизма на земле. Не сомневались в истинности марксистского учения о коммунизме даже меньшевики, тот же Мартов.

До середины 1920-х годов, как утверждалось в «Азбуке коммунизма», партийном учебнике, составленном Бухариным и Преображенским, среди большевиков сохранялась вера, что «коммунистическая революция может победить только как мировая революция... При таком положении, когда рабочие победили в одной стране, очень затруднено экономическое строительство. Для победы коммунизма необходима победа мировой революции» [16, с. 442].

Сегодня можно сказать, что в одном большевики середины 1920-х годов были правы. Коммунизировать русского крестьянина советская власть так и не сумела. Другое дело, что сама по себе коммунистическая идея была утопией. Парадокс состоял еще и в том, что даже враг «большевицкой деспотии» Николай Бердяев сохраняет до конца жизни веру в возможность осуществления учения Карла Маркса о коммунизме, о преодолении овеществления человеческих отношений и соответственно позитивно оценивает Октябрь до своей кончины, т.е. до второй половины 1940-х годов. И сам по себе этот факт свидетельствует о том, что жажда преодоления буржуазности была характерна даже для той части русской интеллигенции, которую Ленин обозвал нехорошим словом. Бердяев в своем «Самопознании» признается, что он с чувством облегчения встретил большевицкий Октябрь, ибо «верил во внутренний процесс перерождения коммунизма, в освобождение от гнета, которое произойдет через духовное возрождение» [4, с. 346]. «Я был совершенно убежден, – пишет он, – что старый мир кончился и что никакой возврат к нему невозможен и нежелателен» [4, с. 478]. Парадокс на парадоксе. В отличие от материалиста Троцкого идеалист Бердяев верит, что закрепленная в сталинской Конституции 1936 г. отмена частной собственности на производство, запрет на эксплуатацию человека человеком «пробуждает и расковывает огромные силы русского народа». Правда, считает Бердяев, «свободы человека все еще нет» [3, с. 244].

Так вот. Когда мы сегодня возвращаемся к поставленному еще в 1932 г. Львом Троцким вопросу о человеческой цене начатого большевиками

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

коммунистического эксперимента, мы обязаны учитывать то, что не могли и не хотели предвидеть ни Троцкий, ни Бердяев. История начисто опровергла все, на чем держалась вера последнего в исторический смысл Октября, его вера в то, что «возврата нет к тому, что было до большевистской революции», что все «реставрационные попытки бессмысленны и вредны, хотя бы то была реставрация принципов Февральской революции» [4, с. 476].

Но сегодня Россия вернулась к программе кадетов, к программе строительства того, что называлось «буржуазной цивилизацией». Главное, что мы сегодня должны учитывать, рассуждая об историческом смысле Октября, как раз и состоит в том, что спустя более 70 лет после победоносного октябрьского переворота Ленина и Троцкого, Россия вынуждена, чтобы сохранить условия для своего цивилизационного развития, возвращаться к тому, от чего она ушла после Октября, а именно – к частной собственности на землю, вообще к частной собственности на средства производства, к рыночной экономике и к частнокапиталистическому предпринимательству, вынуждена провозгласить ценности Февраля, ценности либеральной кадетской партии, а именно – свободу собраний, свободу слова, свободу совести, ценность права и человеческой жизни. Павел Милоков в своей «Истории второй русской революции» (для него, как и для Льва Троцкого, Февраль и Октябрь – это два этапа одной и той же революции) вспоминал о меньшевике Либере, который в октябре на заседании Совета республики упрекал «товарища Троцкого», что он, как и большевики, не понимал, что «сама по себе власть, тем более диктатура пролетариата, не может родить хлеб, покончить с голодом» [12, с. 638]. И действительно, как показал коммунистический эксперимент в России, сама по себе железная дисциплина труда, которую принесли в Россию большевики, за 70 лет так и не смогла решить «проблему голода» как продовольственную проблему, так и проблему извечного дефицита. Коллективный труд на земле давал только 30% продовольствия. Остальные 70% продовольствия давал сохранившийся индивидуальный сектор, т.е. так называемые приусадебные участки крестьян и рабочих. Два процента земли, оставшиеся в частном владении, на протяжении всей истории колхозного строя давали от 25 до 30% валового производства сельского хозяйства СССР. Одна треть урожая погибала на протяжении всей истории социалистического хозяйствования на земле. Коллективный труд на земле не родил не только нового человека-коллективиста, но и не привел к какому-либо росту производительности труда на земле. Производительность труда в сельском хозяйстве в СССР в 1980 г., по официальным статистическим данным, была в 4,8–5 раз ниже, чем в капиталистических США. И совсем не случайно продовольственный кризис 1990 г., пустые полки в Москве и в других крупных городах РСФСР, вызванный нехваткой валоты для покупки зерна, как раз и послужил толчком к распаду созданного Лениным социализма. Советская власть, особенно

при Сталине, обладала уникальной возможностью для подавления недовольства, рожденного нехваткой продуктов питания. Но советская власть, контролирующая ровно 50% мировой пахотной земли, так и не смогла решить до конца продовольственную проблему. Большой вклад в дело доказательства утопичности марксизма как раз и привнес русский крестьянин, десятилетиями сопротивлявшийся колхозной системе.

И самое поразительное, на что мало обращают внимание до сих пор, даже несомненные успехи СССР, большевистской власти в деле преодоления неграмотности, невежества подавляющей части населения дореволюционной России, несомненные успехи в деле интеллектуализации населения, не привели к активности сознания, активности мысли, к чувству личной ответственности за свой собственный выбор, к появлению того, чего не хватало русскому человеку, а именно – чувства реальности, не привели к преодолению русского максимализма, русской любви к простым и скорым решениям. В «Истории русской революции» Троцкий пишет, что судьбу революции 1917 г. решили делегаты II съезда Советов, т.е. «тяжеловесный крестьянский гарнизон», имел в виду «крестьян в солдатских шинелях» [16, с. 314]. Дефицит правового сознания, пренебрежение к праву привели крестьян к большевикам в 1917 г. Но вряд ли сегодня в посткоммунистической России правовое сознание русских стало крепче после 70-летнего коммунистического эксперимента.

В стране с многомиллионной интеллигенцией до сих пор, даже четверть века спустя после смерти советской системы, сохраняется русская традиция авторитарной власти. Выяснилось, что мы не в состоянии создать полноценное гражданское общество. Посткоммунистическая Россия является единственной из бывших социалистических стран Европы, если не принимать во внимание Белоруссию Лукашенко, которая так и не сумела создать политическую систему, предусматривающую разделение властей, создать гражданское общество. Советы, лишённые «скрепов», руководящей роли КПСС, как выяснилось, не оставили в народе никакого наследства.

Кстати, сам факт, что в России после 70 лет советского, якобы коллективистского эксперимента, начисто умерла потребность в добровольной крестьянской кооперации, не только производственной, но и бытовой, потребительской, говорит о полном фиаско советской идеи. Кооперативное производство на селе сегодня не охватывает даже нескольких процентов. Поразительно, что советская система убила и традиционную для старой России пролетарскую солидарность, вообще так называемое рабочее, классовое самосознание. И самое главное, что обращает на себя внимание уже в посткрымской России: грамотность, образованность населения не только не породила человека-гражданина, но и не привела к преодолению традиционной русской недооценки ценности человеческой жизни. Мы до сих пор

спокойно жертвуем людьми во имя различного рода государственных спектаклей.

Мы не имеем права сегодня рассматривать поставленный Троцким драматический вопрос о человеческой цене победы Октября, дела Ленина и Троцкого, не учитывая тот основополагающий факт, что начатый по инициативе вождей Октября и продолженный Сталиным коммунистический эксперимент потерпел фиаско. Конечно, остались позитивные результаты этого эксперимента, наследие советской промышленности и науки, национальный суверенитет, осталась Россия, правда, в границах РСФСР. Но было ли обязательно положить в вечную мерзлоту полмиллиона зэкков, чтобы построить норильский комбинат, а спустя десятилетия, передать его в собственность Потанина и Прохорова? И главное, что мы не можем не учитывать сегодня. Надежды русской интеллигенции, Николая Бердяева, надежды большевиков-марксистов, на то, что старый мир, старая буржуазная капиталистическая цивилизация погибнет, что тем самым Россия никогда не вернется назад, рухнула. Капиталистическая цивилизация превратилась в глобальную после Второй мировой войны, она обеспечила невиданный экономический рост, подъем благосостояния не только многих стран Европы, но и Азии.

И поэтому, на мой взгляд, нельзя говорить об Октябре как о «великом» событии в том смысле, что он чем-то обогатил человечество, принес нечто такое, что остается на будущее, на века. На сегодняшний день от советского эксперимента в международном масштабе остается только сталинизм XXI в., т.е. Северная Корея и постепенно уходящая от коммунизма Куба. Скорее оказался прав Петр Чаадаев, который предупреждал, что на самом деле наша русская миссия в том, чтобы показать человечеству, чего не надо ни при каких обстоятельствах делать.

Несомненно, победа большевиков в России, советский эксперимент ускорили социализацию и гуманизацию капиталистического общества. Но при этом не надо забывать, что социализация капиталистического общества, превращение пролетария в гражданина является делом рук немецкой социал-демократии.

Октябрь как бунт против духовных основ человеческой цивилизации

В любом случае для того чтобы осознать смысл и значение Октября в контексте современности, актуализировать этот юбилей в контексте проблем современной России, на мой взгляд, надо составить себе более правдивую и объективную картину наследства советской истории. И надо понимать, что Октябрь ставит ключевой вопрос о цивилизационной состоятельности русского народа. Почему другие народы Европы смогли, в отличие от

русских, решить проблему индустриализации без гражданской войны, без многомиллионных жертв? Почему дореволюционная Россия, Россия Николая II смогла за 20 лет без всякой советской власти совершить рывок и в области производства, и в области роста населения?

Троцкий, как и Ленин, не только не любил, но и откровенно ненавидел «образованную», «просвещенную» Россию. Большевики, считал он, «не пугались отсталых слоев, которые впервые поднимались с самого дна» [16, с. 198]. Никто не говорил так откровенно, как Троцкий, что большевики использовали во имя прекрасного будущего человечества самые низменные человеческие страсти – ненависть к образованным, успешным, богатым. В рабочем, пишет Лев Троцкий, говорит не столько классовое сознание, сколько «инстинкт угнетенного человека» [14, с. 342]. Демонстрация ненависти рабочих и крестьян к «угнетателям» вылилась в расправу кронштадтских матросов над ненавидимыми офицерами, хотя они, по словам Троцкого, «хватили через край». «Но можно ли сделать революцию без участия людей, которые хватают через край?» – спрашивает он [15, с. 70–71].

Особенность большевиков и их вождя Ленина, пишет Лев Троцкий, состояла в том, что они не побоялись «открыть важную страницу в истории человечества» с помощью нового издания русской пугачевщины, русского бунта. «Не большевики виноваты в том, по мнению Троцкого, что грандиозные крестьянские движения прошлых веков не привели к демократизации общественных отношений в России, – без руководства городов это было неосуществимо! – как не большевики виноваты и в том, что так называемое освобождение крестьян в 1861 г. произведено путем обворовывания общинных земель, закабаления крестьян государством и полного сохранения сословного строя. Верно одно: большевикам пришлось в первой четверти XX в. доделывать то, что не было доделано или вовсе не было сделано в XVII, XVIII и XIX вв. Прежде чем приступить к своей собственной большой задаче, большевики оказались вынуждены очищать почву от исторического навоза старых господствующих классов и старых веков...» [14, с. 448–449]. На самом деле, считает Троцкий, Октябрьский переворот был не столько социалистическим, сколько антифеодальным.

Всем тем, кто сегодня говорит о великом Октябре, надо учитывать, что для большевиков «историческим навозом» была не только русская аристократия, помещики, русское дворянство, потомственное русское офицерство, но и представители третьего сословия, те, кого русские марксисты вслед за Марксом называли «мещанами», т.е. «навозом», были и представители промышленного класса, интеллигенция, образованные классы России в целом. Врагами большевиков и тех народных низов, которые за ними шли, были те, кто превыше всего ставил ценность свободы, ценность собственности и личного успеха, ценность человеческой жизни.

Надо в конце концов учитывать, чего не понимают нынешние псевдопатриоты, пытающиеся соединить Октябрь с так называемой «русской идеей», что именно так называемый «великий Октябрь» породил нынешний дефицит на самое главное – на развитое национальное сознание и национальную память, на наличие национальной элиты, на знание своих национальных святынь и т.д. Деятельность партии большевиков, особенно во время Гражданской войны 1920-х годов, была направлена против всего, что было связано с дореволюционной Россией, не только против православия, национальных святынь, но и против великих побед, против духовных достижений русской общественной мысли, против великой русской культуры как «дворянской». Борьба с «буржуазной Россией» означала для Ленина и Троцкого прежде всего борьбу с образованной Россией. Борьба с буржуазией и интеллигенцией была на самом деле борьбой с основными достижениями человеческой цивилизации, с ее фундаментом.

Мы до сих пор в силу своей неискоренимой советскости не осознаем, что восстание большевиков против так называемого «мира буржуазии» был восстанием против фундаментальных основ европейской цивилизации, против образованных классов, против права, правового сознания, против свободы совести, свободы собраний, мысли и, самое главное, против права человека на жизнь. Наверное, заслуга Льва Троцкого, в отличие от Ленина, склонного к самоанализу и саморефлексии, состоит в том, что он обо всем этом говорит открыто и считает марксистскую революционность против основ буржуазной европейской цивилизации как раз своим моральным преимуществом. Он, как и Ленин, открыто говорит, что их революция, как и революция Робеспьера, является подлинной революцией, ибо присвоила себе право на жизнь людей, право убивать тех, кого считает врагами своего дела.

Троцкий пишет: «В революционной борьбе свобода печати – только один из родов оружия. Право на слово, во всяком случае, не выше, чем право на жизнь. А революция присваивает себе и это право» [14, с. 267]. Честно, но страшно.

Так что Октябрь был великим в том смысле, что передал Россию в руки тех, кто присвоил себе право убивать своих соотечественников по своему партийному усмотрению. Ценность смерти была куда более значимой для большевиков, чем ценность свободы и человеческой жизни. Нельзя ничего понять ни в Октябре, ни в его последствиях, в последствиях 70-летнего эксперимента в России, не принимая во внимание, что возглавляла Октябрь партия, зовущая убивать, призывающая как можно к большему количеству жертв во имя, как оказалось, утопической идеи. Разница между Французской революцией 1789–1794 гг. и Октябрьской состоит в том, что Франция сумела терпеть якобинцев-палачей у власти всего несколько месяцев, а в России подлинные большевики-ленинцы и сталинцы продержались у власти около

40 лет, до смерти Сталина. С моей точки зрения, подлинная власть большевиков в России закончилась во времена хрущёвской оттепели, во второй половине 1950-х годов. Этого было достаточно, чтобы на десятилетия создать особого советского человека, для которого убийство «классового врага» не является преступлением и который сейчас, спустя четверть века после смерти советской системы, обожает убийцу и садиста Сталина.

Троцкий, который постоянно ссылается на яacobинскую диктатуру как на пример движения истории вперед, через диктатуру, почему-то забывает, что Франция и Европа на самом деле не захотели двигаться в будущее, опираясь на непрерывающуюся работу гильотины. Соответственно, все рассуждения Троцкого о том, что чем «грандиознее задачи» революционной партии, тем сильнее должна быть ее диктатура и тем больше людей она имеет право убивать, ни на чем не основаны. Человеческой цивилизации куда больше оставил контрреволюционер Наполеон со своим «Кодексом», чем Робеспьер со своей гильотиной и Конвентом. По этой же причине, я настаиваю на этом, ничего позитивного на самом деле не оставила партия Ленина, который еще до Троцкого утверждал, что подлинный революционизм невозможен без права убивать себе подобных. Трагедия состоит в том, и это все более и более дает о себе знать в современной России, что после того как несколько поколений русских людей были воспитаны в духе ленинского «нравственно все, что служит делу победы коммунизма», уже стало невозможным духовное выздоровление русского человека.

Не могла оставить позитивный след в духовном развитии России партия, исповедующая идеологию плебейского терроризма. Не забывайте, Ленин уже в революции 1905–1907 гг. призывает восставших «разделаться с монархией и аристократией “по-плебейски”», т.е. «подавляя силой их сопротивление», убивая их. Призывая к убийствам во имя «очищения почвы» России от остатков аристократии он, Ленин, ощущает себя просто последователем Маркса, который действительно в своей теории революции ставил во главу угла французский терроризм. В своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин цитирует соответствующее высказывание Карла Маркса. «Весь французский терроризм, – писал Маркс в знаменитой “Новой Рейнской газете” в 1948 г., – был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с атаклизмом, феодализмом и мешанством» [8, с. 47]. Обратите внимание! Карл Маркс, а за ним и Ленин, призывает во имя счастливого коммунистического будущего убивать не только аристократов, потомков феодалов, но и так называемое «мешанство». А что такое «мешаннин» в соответствии с теорией марксизма? Это порождение буржуазной цивилизации, это человек, имеющий свою крышу над головой, как правило, образованный человек, имеющий собственные наличные доходы. Вот почему ни Ленин, ни Троцкий не скрывали, что их революция направлена

против образованной России. Все это еще раз подтверждает мой тезис, что марксизм, как и его дитя большевизм, был направлен против основ человеческой цивилизации.

В полном соответствии со своим пониманием революции как права на убийство своих соотечественников, не только политических, но и идейных противников, Ленин уже не только после победы Октября, но и после победы в Гражданской войне призывает убивать остатки старой, феодальной России и прежде всего священнослужителей, духовенство. В марте 1922 г., в разгар кампании по разграблению церкви, Ленин как всегда «строго секретно» призывает: «...Изыятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью. Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства нам удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше». Большевизм Ленина и примкнувшего к нему в мае 1917 г. Троцкого, обращаю на это внимание в контексте спора о величии Октября, был направлен не столько против аристократии, наследства феодализма, сколько против образованной, по их словам, «буржуазной России». В этой ненависти Ленина и Троцкого к образованной России было что-то болезненное, идущее не столько от марксизма, сколько от комплексов (особенно это дает о себе знать на страницах «Моей жизни» Льва Троцкого и на страницах его «Истории русской революции»). Ленин в интеллигенции ненавидел то, что он называл «сентиментальностью», подразумевая под нею проявление жалости, сострадания, милосердия. Его девиз: «Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество» [9, с. 116–117]. Ильич справедливо считал, что это чувство наиболее характерно для людей образованных, высокой культуры.

Октябрь не был пролетарской революцией

Когда мы сегодня хотим понять исторический смысл и истоки Октября, то надо, конечно, учитывать, о чем честно писали и говорили его вожди, что, строго говоря, большевики были партией не столько пролетарского протеста (квалифицированные, мыслящие рабочие, как правило, не шли за большевиками), сколько партией ненависти необразованных народных масс, как честно признавался Троцкий, – партией «дна общества», партией, выражающей интересы и настроения «плебеев». Троцкий не скрывал, что II съезд рабочих и солдатских депутатов, который был политической предпосылкой Октября, его легитимной основой, состоял прежде всего из «плебеев», и это говорит об исходном цинизме вождей большевизма. С одной стороны, как говорил Ленин, «русские – народ держиморда», а с другой – они – необходимый строительный материал для создания «нового мира». «Съезд советской диктатуры», съезд Советов, который открылся в Смольном 25 октября 1917 г.,

накануне штурма Зимнего, пишет Лев Троцкий, был съездом «плебейской нации», парламентом народных низов. Среди делегатов съезда не было, по словам Троцкого, ни «офицерских погонов», ни «интеллигентских очков» [16, с. 327–328]. Мы, бывшие советские люди, воспитанные в духе марксистско-ленинской классовой идеологии, не осознавали реальный человеческий смысл этого признания Льва Троцкого, мы не понимали, что власть большевиков была выбором необразованной, невежественной России, была выбором людей, живущих инстинктом ненависти и зависти, не понимали, что новая власть утвердилась, а потом долгое время существовала вопреки желаниям и настроениям как раз тех, кто обладал способностью мыслить, обладал чувством реальности и обладал профессиональным мастерством.

Текст «Истории русской революции» Льва Троцкого важен тем, что ее автор на многочисленных примерах доказывает, что, строго говоря, Октябрь по лозунгам, по субъекту революции, по требованиям восставших против коалиционного правительства Керенского не был социалистической революцией в марксистском смысле слова. Другое дело, что большевики использовали очередное издание русской пугачевщины для захвата власти и для попытки реализовать в России марксистский проект коммунистического общества. Об этом предельно откровенно говорит Троцкий. Мятеежники Балтийского флота, которые сыграли решающую роль в подготовке и осуществлении Октябрьского переворота, пишет Троцкий, поддерживали большевиков именно потому, что это была единственная партия, которая если не поощряла, то не препятствовала их жажде расправы над офицерством. Но все дело в том, что «скорые на жестокую расправу» матросы и солдаты проявляли «детскую доверчивость... к слову большевистских агитаторов» [14, с. 288].

Солдатская база Октября, а потом уже будущая социалистическая русская нация, на самом деле пишет Лев Троцкий, формировалась «из сырого безличного доисторического материала». Но на том этапе, в месяцы, предшествовавшие Октябрю, это были «солдаты, тяжело шевелящие мозгами» [14, с. 315]. И что самое главное, это были люди, у которых уже ничего не осталось в душе от православия, от христианской морали. «Вечные нормы морали, увы, — пишет Лев Троцкий, — оставались чужды этим корявым и вшивым мужикам» [14, с. 316]. Эти люди несли с собой стихию злобы, смерти и всеразрушения, которая была родной только для одной партии, для большевиков. «Казалось, — пишет Николай Суханов в своих воспоминаниях о встрече петербургских большевиков с приехавшим в Петроград Лениным, — из своих логовищ поднялись все стихии и дух всеокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений, ни людских трудностей, ни людских расчетов, носится по зале Кшесинской над головами зачарованных учеников» [14, с. 332]. Все это подтверждает, что никто, кроме большевиков, особенно кроме Ленина, не обладал уникальной способностью вызывать у представителей русских

народных масс, у представителей, как говорил Лев Троцкий, «русской плебейской нации» дух всеразрушения, утрату чувства реализма, чувства сомнения, утрату чувства способности отдавать себе отчет в собственных действиях.

Для человечества, на мой взгляд, важен не столько опыт использования большевиками социального хаоса, стихии всеразрушения для своих политических целей, сколько опыт его обуздания. Это на самом деле уникальный опыт. Сначала использовать «красного петуха», но потом спокойно отрубить ему голову. Большевики сумели прекрасно использовать цивилизационную недоразвитость русского человека в своих целях. Ни один обладающий совестью политик, кроме большевиков, не мог бы так откровенно использовать инстинкт ненависти, жажду раздела чужой собственности, невежество народных низов для овладения властью во имя совершенно чуждых этим людям целей. Ведь никто из этих миллионов, которые пошли за большевиками, не хотели, более того, были противниками коммунистической организации труда и распределения, которую уже через несколько месяцев после Октября, весной 1918 г., еще до начала Гражданской войны, начнет воплощать в жизнь партия Ленина.

Парадокс русской истории состоит в том, что люди, жаждущие только одного – сохранить себе жизнь, не погибнуть ни на фронте, ни от голода, отдали себя целиком и без остатка в руки партии смерти, партии бесконечной гражданской войны.

Кем были большевики?

Нельзя ничего понять в том, что произошло с Россией в 1917 г., не составив правдивый образ большевизма, реалистических, правдивых представлений о том, кем были вожди этой партии, что двигало на самом деле их политической активностью. Нельзя понять, почему советский эксперимент не родил новый тип духовности, не принимая во внимание моральное уродство большевизма. Это, во-первых. Во-вторых, надо составить себе точный образ требований, целей, которые, по выражению Троцкого, выдвигали «народные низы», пошедшие за ними и позволившие им взять власть. В-третьих, надо увидеть, как и каким образом большевики, сумевшие взять власть в 1917 г., преодолевали этот вечный разрыв между программой большевиков и ожиданиями людей, которые пошли за ними, отдали в их руки свои судьбы во имя совсем других целей. Нечестно использовать уравнивательные, распределительные настроения необразованных крестьянских масс, не имеющих ничего общего с социализмом, писала Ленину Роза Люксембург в 1917 г. Но Ленин считал, что нравственно все, что служит победе коммунизма.

Итак, во-первых большевизм был прежде всего **партией гражданской войны**, он ставил тогда своей целью превращение империалистической войны

в гражданскую, сначала в одной стране, а затем в рамках передовых стран Запада, и прежде всего в Германии. Троцкий с гордостью писал, что созданная им в 1917 г. «рабочая гвардия» была партией грядущей гражданской войны. Большевики отличались от кадетов тем, писал здесь же Троцкий, что они не боялись посягнуть на собственность, на богатство, на образование, на закон и на сословные различия. Это была партия тотального присвоения чужой собственности, тотальной конфискации. И в этом состоял реальный человеческий смысл марксистской идеи обобществления всех средств производства. Это были люди, которые считали, что нет ничего недозволенного, невозможного во имя «толчка истории», во имя преодоления аморальной эксплуатации человека человеком, осуществления предначертаний Карла Маркса. Они не побоялись, о чем открыто писал Троцкий, использовать представителей «плебейской нации», людей в серой одежде и с «серыми», невыразительными лицами для осуществления своих партийных и, как они считали, исторических целей [16, с. 327–328]. Большевики, в отличие от меньшевиков, эсеров, приветствовали расправу крестьян над помещиками, приветствовали единственный социализм русского крестьянства, т.е. **коллективный** разгром помещичьих владений, усадеб. Троцкий в своей книге обращает внимание, что стихийный коллективизм крестьянской общины проявлялся в принуждении к участию в разгроме даже «крепких крестьян», кулаков.

Он напоминает, что были случаи, когда «уклонение (крестьянина) от участия в разгроме каралось смертью ослушника» [16, с. 20]. Начиная с последних чисел сентября в Таврической губернии, по воспоминаниям крестьянина Гапоненко, его односельчане «стали громить экономику, разгонять заведующих, забирать хлеб из амбаров, рабочий скот, инвентарь. Даже ставни с окон, двери с построек, полы из комнат и крыши цинковые срывались и забирались» [16, с. 15].

Посвящая несколько страниц рассказу о дикости и зверстве погромщиков-крестьян, какой же вывод делает Троцкий. Все эти погромы в историческом смысле неполноценны, заключает он, ибо оно, «крестьянское движение в 1917 году в социальной основе своей было направлено не против капитализма, а против пережитков крепостничества». Троцкого не волнует, что эти погромы крестьян были проявлением дикости, вандализма, зверства, несли в себе нечто античеловеческое. Его волнует, что в этих погромах не было антикапиталистических мотивов.

«На 4954 аграрных конфликта с помещиками в течение февраля, – октябрь – сожалеет Троцкий, – приходится **всего** 324 конфликта с крестьянской буржуазией» [16, с. 20]. Дело коренным образом меняется, с чувством удовлетворения, пишет Троцкий, когда в 1918 г. развернулась «борьба с кулачеством», удовлетворением от того, что именно Троцкий, как и Ленин, организовал в 1918 г. широкомасштабную гражданскую войну в деревне. Кстати, по

этой же логике классовой борьбы Троцкий должен был бы всячески поддерживать насильственную коллективизацию Сталина, который довел начатую им и Лениным борьбу с кулачеством до логического конца.

И сами по себе эти рассуждения Троцкого о погромах в деревне очень показательны для характеристики мировоззрения вождей Октября. Эти люди были заинтересованы в обострении социальных конфликтов, в крови, в гибели людей, тем самым, как им казалось, социальная почва очищалась от остатков капитализма, товарных отношений. И самое поразительное, что ни Троцкий, ни Ленин не испытывали никакого уважения к народу, который они сознательно использовали, как кроликов, в качестве материала для создания плацдарма ожидаемой ими всемирной пролетарской революции. Троцкого, в отличие от кадетов, не пугает, что он и партия Ленина, к которой он примкнул, связывает себя с «обычными, бессмысленными, тупыми, злобными физиономиями», с народными низами России.

Троцкого не волнует, что грядущая гражданская война, усиление голода приведут к гибели значительной части образованных людей, плохо приспособленных к такой жизни. Во время военного коммунизма с его продразверсткой ушла из жизни в 1918–1920 гг. половина членов Академии наук России. Троцкого, как и Ленина, не волнует, что их война против образованной России, всех этих, как он любил говорить, работников кафедр, интеллигентов и полуинтеллигентов, профессоров, адвокатов, журналистов, бухгалтеров и т.д. может привести к понижению интеллектуального уровня нации, ее способности адекватно и активно мыслить, ее способности созидать. На протяжении всей своей тысячестраничной «Истории...» он десятки раз говорит о русских как о нации, отличающейся «леностью мышления», нации тугодумов, нации с заскорузлыми, еле двигающимися мозгами. Генералы Русской армии для него сплошь дураки. Неужели Троцкий не понимал, что, лишая России ненавистной ему интеллигенции, он во многом подрывает условия для реализации своей собственной социалистической программы обогащения русской жизни. Не секрет, что качество мышления, особенно гуманитарной интеллигенции, в СССР было куда ниже, чем в дореволюционной России. Сравните дореволюционные «Вопросы философии и психологии» с советскими «Вопросами философии», тексты Ивана Ильина с текстами Григория Глезермана. Чем больше давала о себе знать недообразованность вождей Октября, тем более жестокие способы изживания из социалистической России интеллектуальной элиты они выбирали. Троцкий не понимал, что сделав ставку на «тяжело двигающихся» русские мозги, он открывает дорогу к власти, как он писал, «великой посредственности» Сталину и тем самым подписывает себе смертный приговор.

За антиинтеллектуализмом вождей Октября, их откровенной ненавистью к образованной буржуазной России стоит то, в чем их упрекали еще авторы

«Вех», – прежде всего национальный нигилизм. Еще в статье Петра Струве в «Вехах» шла речь о религиозном и государственном нигилизме революционной интеллигенции, прежде всего большевиков. Кстати, Ленин был такой же убежденный враг «дворянской России», как и Троцкий. Отсюда готовность Ленина пожертвовать своей победой над Россией во имя более значимой победы пролетарской революции в Германии. Не было для вождей большевизма таких ценностей, как национальная элита, национальная государственность, национальные святыни, национальное сознание, национальный суверенитет, национальная память и т.д. Отсюда и ставка Ленина на поражение национального государства в империалистической войне. По крайней мере, для Троцкого все великие русские писатели всего лишь представители «чуждой народу дворянской культуры». Даже Достоевский для него, как и для Ленина, всего лишь «эпилептический реакционер». Я уже не говорю о резком отношении вождей большевизма, как воинствующих атеистов, к религии, к православию, к национальной церкви России. Нынешние патриоты, которые говорят о «великом Октябре», забыли, что большевики порохом искореняли основу и образ русскости, не только православных священников, но и церкви. А Россия без красоты церквей – это уже не Россия.

Был ли Октябрь социалистической революцией?

И здесь мы подходим, во-вторых, к важному вопросу нашего исследования: была ли Октябрьская революция социалистической, и хотели ли народные массы какого-либо социализма. Очень важен анализ этой основополагающей проблемы самим Троцким. Он дает, как известно, отрицательный ответ на этот вопрос. Октябрь, говорит Лев Троцкий, нельзя назвать пролетарской, социалистической революцией по средствам ее победы, ибо решающую роль в захвате Зимнего дворца, в свержении буржуазного Временного правительства сыграл не пролетариат Петербурга, а Петроградский гарнизон, т.е. прежде всего крестьяне и отчасти рабочие, одетые в военные шинели.

Решил судьбу Октябрьского переворота тот факт, что на самом деле пружина и весь механизм часов восстания находился в руках Военно-революционного комитета, которым в тот момент руководил Председатель Петроградского совета рабочих и солдат Троцкий. На мой взгляд, важен честный и точный ответ Троцкого на вопрос о субъекте Октября. Октябрьская революция по целям ее вождей, по целям большевиков действительно **была борьбой пролетариата против буржуазии за власть**. Но решил исход этой борьбы не пролетариат, а «в последнем счете мужик». Но мужик, одетый в шинель, т.е. Петроградский гарнизон, не имевший в своих мыслях и в своих целях ничего антибуржуазного, т.е. социалистического, и тем более

коммунистического. Руководствуясь «инстинктом сохранения», он поддержал большевиков потому, что они были против Керенского, который хотел их отправить на фронт, т.е. на смерть. Троцкий на нескольких страницах честно рассказывает, что судьбу Октября, судьбу России определил не идеал социализма, не лежащие в его основе коллективистские чувства, а напротив, пробудившийся индивидуализм, жажда сохранения своей собственной жизни. Зачем нам земля, говорили солдаты, если мы не будем живы, если Керенский снова пошлет нас на фронт.

Никакой загадки, пишет Троцкий, в Октябре не было: «Руководила переворотом партия: главной движущей силой был пролетариат, вооруженные рабочие отряды являлись кулаком восстания; но решил исход борьбы тягеловесный крестьянский гарнизон». И здесь же: «Безуспешной попыткой вытолкнуть вон революционные полки правительство погубило себя и привело к власти большевиков» [16, с. 314–315]. И уже спустя несколько месяцев, еще до начала гражданской войны, Ленин в «Очередных задачах советской власти» объявляет непосредственный переход от индивидуального частного производства к коммунизму, к «всенародному учету и контролю за производством и распределением продуктов», к созданию трудовых коммун даже в деревне. Большевики пришли к власти, благодаря «тягеловесным», туго думающим крестьянам, но большевики их откровенно обманули. Ведь ни Ленин, ни Троцкий не говорили этим людям, что на самом деле ни земли, т.е. земли в индивидуальное пользование, им не дадут, как не дадут и мира.

Таким образом, и это надо учитывать, подавляющее большинство населения России и прежде всего **абсолютно все крестьяне** никакого социализма не хотели, они не имели ни малейших представлений о целях и планах партии, которую поддерживали. Главными требованиями широких масс, которые в тот момент пошли за большевиками, были, во-первых, мир, т.е. сохранение жизни; во-вторых, земля, т.е. передел, вернее узаконивание произошедшего передела; в-третьих, сохранение жизни, т.е. устранение надвигающегося голода. Все части, которые находились в октябре в Петрограде, «были связаны единством настроения: опрокинуть как можно скорее Керенского, разойтись по домам и заводить новые земельные порядки» [16, с. 202].

Пробольшевистские настроения не были идейно оформлены, ничего сугубо социалистического в этих настроениях не было. Если бы Ленин сказал не только крестьянам, но и рабочим, что через четыре месяца он их будет загонять в коммуну, займется «продразверсткой», никакого Октября не было бы.

Правда, как признает Троцкий, состоит еще и в том, что никогда большевики не были партией большинства, не пользовались поддержкой большинства населения. Против большевиков было все кооперативное крестьянство, т.е. его самая сознательная, продуктивная часть, против большевиков была подавляющая часть образованной России, все офицерство, все мешанское

население крупных городов, ремесленники и т.д. Даже в критический момент русской истории осенью 1917 г. так называемая пролетарская революция в России победила только потому, что большевикам на время удалось стать главенствующей силой в столице страны. Если бы Временное правительство догадалось перевести столицу из Петрограда в Москву после разгрома июльского большевистского восстания, то не было бы никакого Октября. Большевики Москвы были намного слабее, чем большевики Петрограда.

Желая спастись от наступающего голода, народные массы, население Петрограда доверило свою судьбу партии, которая на протяжении десятилетий решала свои задачи за счет постоянного недоедания своего населения. Но легковверный русский человек этого не понимал. И солдаты, и рабочие решили, что то, что не может решить правительство Керенского, обязательно решат большевики. Парадокс истории состоит в том, что не коллективистские чувства, а именно животный индивидуализм, желание во что бы то ни стало спасти свою жизнь, привели к большевикам, к партии предельного коллективизма миллионы русских людей.

**История СССР как различные способы
преодоления противоречия между требованиями жизни
и марксистской программой социалистического строительства**

И, в-третьих, последнее в моем анализе истоков, природы и судьбы Октября. Надо напомнить, что марксистский проект коммунизма, изложенный в «Коммунистическом манифесте», в «Принципах коммунизма» Энгельса, предлагал уничтожение индивидуализма и частнособственнических не только в производстве, но и в быту. До сих пор идут споры, покушались ли Маркс и Энгельс на моногамную семью или нет. В собрании сочинений Маркса и Энгельса, изданном в 1924 г., читаем: «Коммунистов можно было бы упрекнуть разве в том, что они хотят поставить официальную, открытую общность жен на место лицемерно скрываемой». В издании 1955 г. слова «что они» заменены на «будто они». В любом случае, с точки зрения Маркса и Энгельса, коммунизм несовместим с частным, индивидуальным жилищем, обособленным бытом семьи. Маркс, кстати, разделял идеи Руссо о преодолении семейного воспитания и заменой его коллективным воспитанием людей.

В СССР были воплощены в жизнь только некоторые идеи коммунизма, связанные с экономической организацией общества. Вообще-то в основе экономических основ коммунизма лежала идея Бабефа и об использовании военной, командной организации для обустройства производства в национальном масштабе. Предлагалась национализация всех родов производства, отмена частной собственности вообще и планирование в национальном масштабе, исключаящее капиталистическую конкуренцию. С точки зрения

Карла Маркса, как и Бабефа, для коммунистической формации начиная с первой фазы коммунизма характерно и необходимо полное устранение денег и товарных отношений, т.е. непосредственное через государственные органы распределение не только производимых продуктов производства, но и продуктов питания. Суть идеи коммунизма большевики-ленинцы, а потом и Сталин все же воплотили в жизнь. Речь идет о принципе мобилизационной экономики со всеобщей трудовой повинностью. Коммунистическая экономика рассматривалась как мобилизационная экономика с жесткой трудовой дисциплиной.

По сути, вводилось крепостное право в национальном масштабе, т.е. жесткое прикрепление всего населения к планам и задачам советского государства. Этот проект коммунистической организации труда подробно описан у Ленина и в «Очередных задачах советской власти», и в «Великом почине». И речь шла о введении «трудовой повинности» не только для «отживших классов», но и для рабочих и крестьян. Кстати, создатель учения о социалистической организации производства и промышленности Сен-Симон прямо говорил, что социализм есть прежде всего «новый феодализм», ибо предполагает жесткое закрепление рабочих за фабриками и даже за бараками, в которых они должны жить. *Ирония истории состоит в том, что на самом деле коммунизм и коммунистическая организация труда были не движением вперед, к чему-то новому, от капитализма с его анархией, а движением назад, к практике государственного закрепления людей за определенными видами производства, движением к опыту крепостного права.* Об этом прекрасно написал Игорь Шафаревич в статье «Социализм» в самиздатском сборнике «Из-под глыб». В Месопотамии еще в XXII–XXI вв. до н.э. основой экономики являлись храмовые хозяйства, которые полностью утратили свою хозяйственную независимость и превратились в ячейку единого государственного хозяйства. Управляющие этих храмовых хозяйств назначались царем, они предоставляли царю в центр подробную экономическую отчетность о потребляемых и производимых продуктах. И вся эта бухгалтерия контролировалась царскими ревизорами. А группы работников в силу необходимости перебрасывались из одного хозяйства в другое [17, с. 35].

Конечно Ленин, когда писал «Великий почин», не предполагал, что его идеал коммунистического труда, который он хотел силой навязать пост-октябрьской России, т.е. когда продукты твоего труда достаются не тебе лично и не твоим «ближним», а «дальним» [7, с. 22], является лишь копией той монастырской организации труда.

Большевики под руководством Ленина и Троцкого сразу же после Октября силой, часто через угрозу расстрела, принуждали к самоотверженному, тяжелому труду «во имя создания коммунистического общества».

Правда, после Кронштадтского восстания 1921 г., когда балтийский моряк превратился из главной опоры большевизма в его заклятого врага, Ленин осознал, что попытки реализовать коммунистический проект сразу же в чистом виде, полностью вытеснить личный интерес из мотивов к труду не удаются. Настало время отступить назад. Ленин осознал, что если и дальше продолжать политику продрозверстки, насильственной коммунизации труда и распределения продуктов труда, то не избежать нового русского бунта, на этот раз против большевиков. Ленин и руководство партии не могли не заметить, что восставшие матросы потребовали от большевистской власти то, во имя чего они ее поддержали, – 11-е требование восставших матросов предусматривало возвращение «полного права действия крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т.е. не пользуясь наемным трудом» [13, с. 109].

Декрет от 11 января 1919 г., который вводил продрозверстку, т.е. насильственное и бесплатное изъятие продовольствия у крестьян, отменялся, отменялся и декрет от 19 апреля, запрещающий фабрично-заводским рабочим «самовольный» переход на другую работу. Ленин признает, что попытка партии сразу же после захвата власти переходить к коммунистической организации труда, т.е. «произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению», была ошибкой [11, с. 40].

Начинается не только НЭП, но и постепенное приспособление советского варианта коммунистической организации труда к реалиям сохранения власти и, самое главное, к требованиям сохранения жизни, т.е. производства продуктов питания. Николай Бухарин, впадая в другую крайность, говорит крестьянам: «Обогащайтесь».

Ленин перед смертью в своем завещании вносит коррективы в учение Карла Маркса о коммунистической организации труда и признает возможность кооперативного производства, предусматривающего уже и товарное производство, и деньги, и рынок, и групповой интерес. Статья Ленина «О кооперации» уже была откровенной ревизией марксистского учения о коммунистической формации.

Сталин после Ленина со своей насильственной коллективизацией делает новую попытку ввести коммунизм в деревне, снова ввести коммунистическое крепостное право, закрепить крестьянина за его деревней, его колхозом или совхозом. Но и он после голода 1932–1933 гг. отступает и делает уступку «частнособственническим инстинктам крестьянина» и возвращает ему часть земли в виде «приусадебных участков», т.е. дает крестьянину возможность производить продукты питания для себя и на рынок.

Получается, что с марксистской точки зрения, с точки зрения марксистской утопии, социализма в точном марксистском смысле этого слова у нас не было. Наша советская организация производства, соединяющая плановое

хозяйство с рынком и денежными, экономическими стимулами к труду ближе всего к проекту сенсимонистов. От частнособственнической цивилизации у нас остался не только частный индивидуальный быт (в 30–40-е и даже 50-е годы XX в. более половины населения страны жили в частных домах), но и индивидуальное, частное производство в деревне и огромный рынок часто производимых продуктов питания. В СССР было много городов, особенно в Сибири, на Украине, я уже не говорю о Кавказе, Средней Азии, где население покупало мясо, молоко, овощи только на рынке. Подобная ситуация была до середины 1960-х годов и в моей родной Одессе.

Единственное, что никогда до Горбачёва не подвергалось ревизии, так это политическая система, обеспечивающая прикрепление населения, всего населения к СССР. Государственное крепостное право, т.е. отсутствие права на добровольную эмиграцию, выезд за пределы страны, сохранялось до реформ Горбачёва. До реформ Горбачёва сохранялась и уникальная особенность советской экономической системы: она обладала способностью в огромных размерах перерабатывать неживое – уголь, руду, лес, использовать движение воды, – но не умела производить живое, т.е. продукты питания. Мы были велики в своей способности производить орудия войны, орудия смерти, но были ничтожно слабы в умении производить то, что нужно человеку для жизни. Кризис сельскохозяйственного производства, который был спровоцирован коллективизацией, продолжался шесть десятилетий. Сохранялось преследование за инакомыслие, т.е. за попытки поставить под сомнение власть КПСС, советскую экономическую систему и советскую идеологию.

При всем этом медленно, постепенно заложенное в Октябре противоречие между тем, что хотелось и нужно было человеку для нормальной жизни, и тем, что ему навязывала советская система со своим государственным единомыслием и жестким прикреплением человека к стране, к месту проживания, преодолевалось. Карательные функции государства за отступление от единомыслия со времен Хрущёва ослабевали. Моральное отвращение людей от доносительства, от так называемых «сексотов» как раз и было одним из признаков сопротивления советской системе. Правда, при этом недооценивались социальные блага, доставшиеся дорогой ценой советскому человеку, а именно: низкая по русским меркам преступность, отсутствие безработицы, ясность перспектив и уверенность в будущем, равные права на образование.

Лежащее в основе советской системы право государства на жизнь его граждан, на формирование их образа мыслей, системы ценностей, т.е. наследие феодального, а может, даже рабовладельческого авторитаризма, послужило одной из главных причин ее смерти, ибо стало несовместимым с особенностями личности, формирующейся в условиях научно-технической революции, глобального мира.

Перестройка, как я точно знаю, была попыткой, правда неумелой, включить через кооперацию индивидуальные стимулы в процесс производства того, что нужно для жизни. А политика гласности была попыткой, и это удалось, привести политическую систему в соответствие с духовными потребностями многомиллионной интеллигенции, с возрастающим требованием правды, свободы мысли, слова и информации. И сразу же оказалось, что при элементарных человеческих свободах советская система, созданная Октябрем и просуществовавшая семь десятилетий, рассыпается, становится мертвой.

И в заключение последний, самый главный вопрос. Нужны ли были муки, многомиллионные жертвы русских людей, чтобы доказать очевидное, что мобилизационная система, отрицающая главные права личности – свободу выбора, свободу совести, свободу мысли, право на жизнь, – нежизнеспособна, является историческим тупиком?

Библиография

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Бердяев Н.А. Новое средневековье // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон; Реабилитация, 2002. С. 219–255.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. 624 с.
4. Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. С. 249–603.
5. Ильин И.А. Собр.соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. I. 494 с.
6. История России. XX век. 1894–1939. М.: Астрель, 2000. 890 с.
7. Ленин В.И. Великий почин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 39. С. 1–29.
8. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 11. С. 1–131.
9. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 44. С. 155–175.
10. Ленин В.И. Политический отчет. Седьмой экстренный съезд РКП (б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 36. С. 1–26.
11. Ленин В.И. Речь при открытии X съезда РКП (б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 43. С. 1–33.
12. Миллюков П.Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. 752 с.
13. Симанов С.Н. Кронштадтский мятеж. М.: Алгоритм, 2003. 256 с.
14. Троцкий Л.Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. I. 532 с.
15. Троцкий Л.Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 1. 388 с.
16. Троцкий Л.Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 2. 482 с.
17. Шафаревич И.Р. Социализм // Из-под глыб: Сб. ст. Нью-Йорк: Ymka Press, 1974. С. 29–72.

References

- Berdjaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. Moscow: Nauka, 1990. 224 p.
- Berdjaev N.A. Novoe srednevekov'e // Berdjaev N.A. Smysl istorii. Novoe srednevekov'e. Moscow: Kanon; Reabilitacija, 2002. P. 219–255.
- Berdjaev N.A. Russkaja ideja. Kharkov: Folio; Moscow: AST, 2002. 624 p.
- Berdjaev N.A. Samopoznanie // Berdjaev N.A. Russkaja ideja. Kharkov: Folio; Moscow: AST, 2002. P. 249–603.
- Il'in I.A. Sobr. soch.: V 10 t. Moscow: Russkaja kniga, 1993. T. 2. Kn. I. 494 p.
- Istorija Rossii. HH vek. 1894–1939. Moscow: Astrel', 2000. 890 p.
- Lenin V.I. Velikij pochin // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Moscow, 1963. T. 39. P. 1–29.
- Lenin V.I. Dve taktiki social-demokratii v demokraticeskoi revoljucii // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Moscow, 1963. T. 11. P. 1–131.
- Lenin V.I. Novaja jekonomicheskaja politika i zadachi politprosvetov // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Moscow, 1963. T. 44. P. 155–175.
- Lenin V.I. Politicheskij otchet. Sed'moj jekstrennyj s'ezd RKP (b) // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Moscow, 1963. T. 36. P. 1–26.
- Lenin V.I. Rech' pri otkrytii X s'ezda RKP (b) // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Moscow, 1963. T. 43. P. 1–33.
- Miljukov P.N. Istorija vtoroj russkoj revoljucii. Minsk: Harvest, 2002. 752 p.
- Simanov S.N. Kronshtadtskij mjatezh. Moscow: Algoritm, 2003. 256 p.
- Trockij L.D. Istorija russkoj revoljucii. New York: Monad Press, 1976. T. I. 532 p.
- Trockij L.D. Istorija russkoj revoljucii. New York: Monad Press, 1976. T. II. Ch. 1. 388 p.
- Trockij L.D. Istorija russkoj revoljucii. New York: Monad Press, 1976. T. II. Ch. 2. 482 p.
- Shafarevich I.R. Socializm // Iz-pod glyb: Sb. st. New York: Ymka Press, 1974. P. 29–72.